

*Хорошо быть молодым...—
перед тобою весь мир.*

Ян

МОРАЛЬ СТЯЖАТЕЛЕЙ

(Повесть В. Тендрякова «Не ко двору»)

И все-таки юность при всех своих достоинствах порою слишком уж самонадеянна и странно близорука. Широкая, многокрасочная панорама первых впечатлений заслоняет от неопытного взора юноши то, что зрелому человеку отчетливо видно с первого взгляда. И опрометчивые поступки, совершаемые вследствие болезни возраста, порой глубоко травмируют души... Воспитанный в духе социалистической морали, привыкший жить с открытым сердцем, знающий истинную цену любви и дружбы, видящий людей такими, какими он хотел бы их знать, молодой тракторист Федор Соловейков влюбляется в красавицу Стешу Ряшкину и с легким сердцем, чуть-чуть подсадовав, оставляет своих товарищей, свою знакомую до последнего винтика МТС, свой богатый колхоз и, окрыленный счастьем, переходит жить в дом своего тестя.

Ничего предосудительного в этом поступке нет: и там и здесь, рассуждал Федор, он среди своих, приносит пользу.

А оказалось, что этот поступок лишил его счастья, исковеркал его жизнь в самом начале, заставил глядеть на мир иными, более требовательными глазами, переосмысливать свои представления о людях.

Заметим, что нас интересует не столько история неудачной любви Федора Соловейкова, сколько причины, вызвавшие душевный разлад героя. Смешно было бы требовать, чтобы влюбленный изучал любимую по анкетным данным.

К тому же, любимые порой кажутся лучше, чем они есть на самом деле. Это естественно.

Поэтому мы не осуждаем Федора за то, что за высокой грудью, надменно вздернутым подбородком, выпуклыми голубыми глазами с длинными ресницами и румянцем молодых щек Стеши он не разглядел, что она «девка видная, гладкая, на медовых пышках выкормленная», и только; не придавал значения тому, что Стеше «с домом расставаться жалче», чем ему со своим колхозом и МТС, не увидел за домовитой хозяйственностью ее родителей мелочность и жадность приобретателей, враждебно-равнодушных к общественным интересам, общественному добру. Рассказывая историю любви Федора и Стеши, Тендряков раскрывает сущность конфликта между социалистической моралью, олицетворением которой является Федор и большинство окружающих его лиц, и моралью мещан, мелких стяжателей, фальшивых людей, жадных и подлых, типичными представителями которых являются родители Стеши. Идеальным

содержанием повести является борьба за человека, борьба за Стешу, которая воспитывалась под двойным влиянием. С одной стороны, она изо дня в день наблюдала и усваивала жизненный опыт скопидомов-родителей, старательно пересыпающих махоркой допотопные паневы, старинного покроя шубы, складывающих в камору всякий хлам: авось пригодится. Их интересы не распространялись далее огорода, какой-либо вещи, покупаемой только затем, чтобы быть спрятанной в громадный кованый сундук, сытного куска хлеба да тайного вздыхательства по «привольной» единоличной жизни. С другой — новая жизнь, зовущая куда-то в неизведанные дали, свежая, бодрая, дерзко претендующая на установление общечеловеческого счастья, основанного на творчестве большого коллектива, жизнь, отвергающая мораль ее родителей. И хотя эту жизнь Стеша видела не издали, не только из окна своего просторного дома, стоящего на окраине села, но и вблизи — в школе, в колхозе. И хотя те маленькие, привычные и милые с детства будни родительского дома были ближе Стешиному сердцу, ее звала с непостижимой властью светлая и большая жизнь смелых людей. Не испытав под родительским кровом ни большой радости, ни большого горя, Стеша туманно мечтает о другой, не похожей на бедную событиями жизнь ее детства. Разве могли удовлетворить ее маленькие радости, приносимые ежегодными обновками ко дню рождения? И она грезит о муже образованном, агрономе или учителе, с культурными запросами, хотя сама ушла из восьмого класса, потому что «на вечерах по-

плясывать стала, парни провожали, сидеть за партой, решать, чему равно «а» плюс «б» в квадрате, казалось стыдновато». Ей представлялось: «Раным-ранешенько, вместе с солнышком проснетесь она; муж спит, сын (сын — непременно) спит; тихонько выходит она в огород. Босые ноги росяным холодком жжет, по крепким канустным листьям вода блестящими катышками сбегает, помидорным листом пахнет — все кругом свое, во все ее душа вложена... А по вечерам гости приходят. Не своя деревенская родня, не Егоры да Игнаты, а мужнины гости. За столом сидят, чай пьют, о политике рассуждают. Она или в сторонке с вышивкой на коленях, или угощает: «Кушайте на здоровье, медку-то не жалейте... Свои пчелы, сбор нынче хорош»... Вот оно, ее счастье: мир, тишина да дом — полная чаша».

Писатель раскрывает характер Стеши во внутренних монологах и сюжетных взаимоотношениях героини с окружающими ее людьми, показывает столкновение и противоборство двух начал: собственнического и коммунистического. В этих условиях и сформировался тот тип обывательницы, сущность которого так точно определил в свое время Маяковский в стихотворении «О дряни»: «Мало... пиджак сменить снаружи, выворачивайтесь нутром». Стеша не собирается жить так, как живут ее родители, не хочет «копейку выбивать» да откладывать ее в кубышку. Она охотно последует призыву наших сберкасс: «Брось кубышку, заведи сберкнижку». Она не против, чтобы будущий ее муж тратил какую-то сумму денег на книги, «газеты выписывал», то есть бросал бы

деньги на ветер, по мнению ее отца и матери. Но за всем этим мы без труда различаем собственническую душу Стеши, для которой главным в жизни является «дом — полная чаша», «свое», «собственное».

Нетрудно заметить, что эти представления о счастье сложились под тем же двойным влиянием, причем главное шло от мировоззрения родителей. И все-таки мораль Стеши нельзя безоговорочно отождествлять с моралью ее родителей — стяжателей. Будь у Федора Соловейкова возможность взять Стешу к себе в дом, изолируй он ее от прокисшего воздуха маленькой конторки маслозавода, где она работала, от запаха залежавшейся рухляди прошлого века, которой был набит ее сундук, от завистливых до барахлишка глаз отца и матери, от их отуманивающих ум и опустошающих душу речей о несправедливости колхозного председателя, о собственном подвинке, о некупленной картошке, о масле домашнего производства, — она могла бы стать другой. Но этого не произошло. И Стеша, освоившись в омуте мещанского счастья, живет в стороне от большой жизни.

Правда, она пыталась приобщиться к коллективу. Даже вступила в комсомол. «Другие-то вступают, чем она хуже?» Но комсомольские собрания показались ей скучными. Бесконечные разговоры о сеноуборке, о вывозке навоза надоели. А бедная по содержанию жизнь комсомольской организации, членом которой состояла Стеша, не могла помочь ей вырваться из омута. И Стеша постепенно отошла от своих подружек, механически выбыла из комсомола, устроилась работать на маслозавод, и вся ее на-

дежда на лучшую, счастливую жизнь цеплялась за замужество: «Кому-кому, а ей не сидеть в вековушках. Найдется под стать ей парень, недалеко уж то время — найдется!»

Не одна Стеша мечты о счастье связывает с планами удачного замужества. Вспомните Лену Медовскую из «Студентов» Трифонова, которая тоже счастье видела в удачном замужестве, хотя отец ее и был культурным человеком, крупным инженером. Воспитанием Лены, однако, занималась мать-домохозяйка — женщина недалекая, считавшая, что порядочная девушка должна жить легко и безбедно и всю свою жизнь проводить в заботах о нарядах, в пустых беседах с «интересными» знакомыми. «Культурная» мещанка внушила дочери, что женщина — особое, красивое существо, призванное облагораживать мужчину. Что только в этом ее назначение. И «добросовестная» Лена вслед за нею повторяет: «Женщина... должна все уметь. Должна уметь одеваться, петь, быть красивой». Вот как она представляет счастье:

Есть минуты, когда не тревожит
Роковая нас жизни гроза.
Кто-то на плечи руки положит,
Кто-то ясно заглянет в глаза...
И мгновенье житейское канет,
Словно в тяжкую пропасть без дна.
И над пропастью медленно встанет
Семицветной дугой тишина...

Счастье в блаженном забвении. На труд она смотрит как на тяжелую и неприятную обузу. Такому отношению к труду научилась она у мамы же, которая «самоотверженно» борется с мужем за счастье дочери. Послушайте, как это

происходит: «Ведь у Леночки вся жизнь впереди! И всю жизнь она будет работать, только работать! Так дай ей в эти несчастные три-четыре года, в ее студенческую пору пожить легко, без этих забот, нагрузок. Студенческие годы — это самые светлые, чудесные годы в жизни, не правда ли? А тебе не терпится! Тебе хочется сейчас же запрячь ее, повесить гири! Успеешь еще...»

Не похожа ли Лена на Стешу? Не сходны ли их стремления, не тождественны ли их взгляды на жизнь, на счастье? А ведь они так разные по своему развитию! Лена — москвичка, дочь культурных родителей. И если Стеша знала одну дорожку — «мимо дома Агнии Стригуновой, мимо ограды Петра Шибанова, мимо конторы правления» да по праздникам ходила на танцульки, то Лена, не в пример ей, училась пению — посещала «вокал», имела возможность бывать в Большом театре, регулярно посещать кино, музеи, слушала в институте лекции московских профессоров, ее воспитывал комсомол... Находя общие черты в характере разных по своему развитию девушек, мы приходим к выводу, что образование не препятствует появлению фальшивых людей, если они воспитываются по-мещански, если их заботы ограничиваются лишь стремлением к «утробному» счастью. Образование лишь утончает их, делает подлее, чем бывают они в своем грубом первобытном естестве. Стеша стала такой, какой мы видим ее в изображении Тендрякова, не из-за того, что родилась и выросла в деревне под влиянием некультурных родителей, не потому, что осталась недоучкой, уйдя из восьмого класса,

не по той причине, что в Сухоблинове не было ни оперы, ни музеев, ни концертных залов; а потому, что ее родители, как и мать Лены, исповедовали фальшивую мораль, мораль стяжателей. Это заметил еще Белинский. Анализируя повести Гоголя, он писал: «Есть ничтожество грубое, низкое, нагое, неприкрытое, грязное, вонючее, в лохмотьях; есть еще ничтожество гордое, самодовольное, пышное, великолепное, приводящее в сомнение об истинном благе самую чистую, самую пылкую душу, ничтожество, ездящее в карете, покрытое золотом, умно говорящее, вежливо кланяющееся, так что вы уничтожены перед ним, что вы готовы подумать, что оно-то есть истинное величие, что оно-то знает цель жизни и что вы-то обманываетесь, вы-то гоняетесь за призраками».

И если Лена воспитывалась под влиянием гордого, умно говорящего ничтожества, заботящегося о том, как бы прожить с наименьшей затратой сил, но с наибольшими удобствами, то Стеша — под влиянием грубого и низкого ничтожества, которое иногда трудится до седьмого пота, которое готово ползать в грязи, лишь бы только приобрести и спрятать в сундук какую-нибудь обновку, лишь бы слышать, как хрюкает в клетки собственный поросенок, лишь бы знать, что в подвале стоят кадки с солеными грибами, огурцами, квашеной капустой, что в закроме есть запасы хлеба, в буртах — картошки, что в кладовой висят туши мяса... А что касается других, то пусть учатся наживать, на то и ум даден... Эта частнособственническая мораль опутывала человеческие души на протяжении тысяч лет, когда в основе взаимоотно-

шений людей лежала эксплуатация чужого труда, когда богатство служило мерилom человеческого достоинства и страшно уродовало людей. Вспомните Прохора Громова из «Угрюм-реки» Шишкова, который отправил здорового отца в дом для умалишенных, чтобы завладеть его имуществом, который, любя Анфису, убивает ее, чтобы она не помешала ему жениться на богатой девушке. Вспомните Савву из повести О. Кобылянской «Земля», который убил своего брата из-за надела земли, или братца Яшу из романа Ивана Макарова «Голубые поля», отправившего на тот свет братца Сережу по той же причине (каждый из них норовил отрезать в свой надел одну борозду). Великая Октябрьская революция уничтожила волчьи законы, дававшие права гражданства алчным стремлениям к обогащению, но стремления только к личному благополучию остались в душах медовских и ряшкиных и заслонили от их глаз большой, прекрасный мир, ради которого погибало не одно поколение борцов-мечтателей и пророков.

Силантій Петрович, который личное хозяйство держит в образцовом порядке, который умеет найти применение последнему ржавому гвоздю, равнодушно взирает на беспорядочное хранение сбруи, закрепленной за ним в колхозе. Это он, не уступающий в ручной косьбе молодому дюжему Федору, когда дело касается заготовки сена для своей коровы, прикрываясь старостью, кашеварит во время сенокоса в колхозе, в то время как женщины, в том числе и больные, выполняют мужскую работу. Это он, считающий, что «ежели и скворечник исправен,

считаю — все, до последнего гвоздя, исправно в хозяйстве» и с серьезным видом ремонтирующий его, в трудную пору начала посевной и вывозки семян, обманом получает колхозную лошадь и со спокойной совестью пашет свой огород. Такова же и его женушка, которая слезно соболезнует пораненному косою зайчонку и растягивает рога чужой козе, забравшейся в ее огуречник.

Одна из особенностей характера таких людей — лицемерие. Они способны без конца объясняться в безмерной и нежной «любви» к тем, кто практически содействует осуществлению их идеалов. Чувства искренней любви они лишены. Стеша, которая еще накануне свадьбы вздрагивала от прикосновения Федора, сразу же после свершения акта бракосочетания равнодушно отстранилась от его объятий: «Обожди... Гребень сломаешь...» Это не случайная деталь.

Если бы Стеша искренне любила, вряд ли бы вскоре после свадьбы «тайком считала, что осчастливила она Федора, могла бы другому достаться». Уже на третьем месяце замужества она после отказа Федора выпросить лошадь, чтобы вспахать огород, зло выговаривает ему: «Совесть свою бережешь! За стол-то лезешь! Тут-то хватает совести!» А когда Федор отобрал у Силантия Петровича злополучную лошадь, «любящая» жена вот как проявляет свои «нежные» чувства: «Пришел, вражина? А зачем? Чего тебе тут?.. Тебе весь свет милей, чем мы!.. Глаза терпеть не могут тебя, постылого! Связалась я!.. Какой ты мне муж! И чего я на тебя, дурака, позарилась!..» А теперь сами судите о глубине и прочности чувств красавицы Стеши.

Мы только напомним, что ее никто не неволил выходить замуж за Федора. Ведь она при своей внешности легко могла бы найти себе мужа «под стать». Отсюда вывод: опустошающая душу мещанская мораль вытравляет из человека все, кроме инстинкта стяжательства. А «фальшивым» женам нужны мужья «покорливые», денежные, хозяйственные, наподобие Силантия Петровича, только таких мужей могут они «любить».

Не трудно заметить, что такое же, хотя более утонченное представление о достоинствах мужа и у Лены Медовской и у ее мамы.

Родительская любовь фальшивых людей поκειται на этой же основе. До тех пор, пока дети проявляют полную покорность, пока они следуют духу их морали, родители «любят» их с завидной нежностью. Когда Стеша в поддержку родителей конфликтовала с Федором, ее мать трогательно изливает свои чувства к дочери, проклиная одновременно «неблагодарного» зятя: «Господи боже, Иисусе Христе!.. Стешенька, родимушка, да что же это такое?.. Силан! Силан!.. Ты чего там лежишь? Дочь твою убивают!.. Ведь вахлак-то пьянешенек приперся!» Но стоило той же Стеше высказать недовольство родителями, выказать свою враждебность к ним, как «любящие» существа перевоплощаются. «Святые угодники! Да что с тобой, с чего опять лаешься?» — зло усовещает ее мать. «Выродок ты у нас какой-то». Ряшкины «всегда промеж себя дружно жили», — резюмирует отец.

Часто некоторые критики при анализе отрицательных образов художественных произведений упрекают авторов в том, что они якобы не

учитывают воспитательных возможностей коллектива. Так произошло и в данном случае. Критик Н. Громов, например («Октябрь», 1954 год, № 10), упрекал Тендрякова за то, что он-де упустил блестящую возможность — не раскрыл благотворного влияния общественности на характеры Ряшкиных. «Выходит, что Ряшкины, — сокрушается критик, — могут жить припеваючи. Вот это и является самой уязвимой чертой талантливой повести».

В последние годы воспитанию подрастающего поколения уделяется больше внимания. Перестроено школьное обучение, повысилась ответственность общественности за воспитание человека. Но еще недооценивается роль семьи. А между тем каждому известно, что воспитание человека начинается задолго до его знакомства со школой, пионерской организацией, комсомолом и т. д. Всем известно, что впечатления раннего детства образуют фундамент характера взрослого, что ребенок воспитывается не только тогда, когда его «воспитывают», но и тогда, когда он наблюдает за безмолвными поступками взрослых. В том случае, когда «хорошие» родители плохо занимаются воспитанием, их дети без особого труда могут усваивать различные вредные привычки.

Не секрет, что строгие родители иногда пользуются более эффективными мерами воздействия, чем школа, пионерская организация. Разумеется, я не думаю отрицать воспитывающие возможности коллектива. Напротив, я считаю, что коллектив может делать чудеса, может излечивать, казалось бы, неизлечимых нравственных уродов. Но для этого, во-первых, надо, что-

бы коллектив целенаправленно действовал все время, а действия его должны быть активны и не заключаться только в словесной «проработке»; во-вторых, объект воспитания, вернее перевоспитания, по возможности должен быть оторван от той тлетворной ночвы, которая послужила, продолжает и будет служить источником всего подлого и гадкого, растлевающего душу человека. Повседневный дух стяжательства, неприязнь к интересам общества, дух эгоизма будет чувствителен, будет отравлять здоровый организм даже при солидных дозах оздоравливающих мероприятий, предпринимаемых коллективом...

Тендряков в своей повести показывает, что моральные устои дома Ряшкиных, до вмешательства Федора, для Стеши были родными и привычными. Школа, комсомол действовали на нее от случая к случаю, их вмешательство можно сравнить с практикой врача, «излечивающего» тяжелую болезнь болеутоляющими средствами. Поэтому-то и оказалась Стеша такой упрямой в борьбе за право остаться Ряшкиной. Изображая семью Ряшкиных, показывая ее взаимоотношения с комсомольцем Федором Соловейковым, с колхозом и колхозниками, посвящая читателей в думы и чаяния членов этой семьи, писатель вскрывает глубоко таящийся гнойник, прикрытый безобидной на вид ранкой — страстью к личному благополучию. И мы, читая эту повесть, чувствуем не только возмущение и омерзение, но и стыд оттого, что, гордясь своими достижениями, сквозь пальцы смотрим на жизнь Ряшкиных... Тендряков, как и Леонид Леонов, стремится показать недостат-

ки нашей борьбы с пережитками буржуазной морали в сознании человека. Люди, окружающие Ряшкиных, как и те, кто сталкивался с Грацианским, пассивны. Даже Федор Соловейков и тот занял странную позицию. Он больше печется о том, чтобы уберечь свою душу от вредного влияния Ряшкиных, чем об искоренении зла. «Что ж делать?.. Может, ради ребенка под них подладиться?.. Как теща, сатанеть над огурчиками?.. Плюнуть на все, подпевать вместе с тестем: «Ломи на них, они это любят»? Душу себе покалечить из-за ребенка? Нельзя! Пора кончать! Рвать надо», — решает он. А умный и властный человек, председатель колхоза Варвара Степановна вторит ему: «В дом Ряшкиных вернуться? Нет, не решусь уговаривать. Видел, картину разыграли? А что, ежели в том доме такие картины будут показываться каждый день, только без людей, наедине, за стенами? Смысла нет уговаривать, все одно не выдержит, сбежит. Стешу бы от дома оторвать — другое дело. Но присохла, не оторвешь. Знаю я их гнездо, крепко за свой порог держатся». И от этого создается впечатление, что люди Сухоблинова бессильны против Ряшкиных. Они явно переоценивают возможности «противника». Федор уходит из дома Ряшкиных без Стеши, которую «не оторвать от родителей». Колхозники сочувствуют ему. Этим и ограничивается вмешательство коллектива в жизнь семьи, состоящей из фальшивых людей. Объясняется это равнодушием, отсутствием чувства ответственности за судьбу человека. Здесь не боязнь расправы, как в случае с Грацианским, удерживает людей от активных действий, а скорее

привычка не вмешиваться в чужое дело, если оно не грозит большой бедой. Это оттуда же, от мещанских взглядов на жизнь, на человека.

Следует заметить, что Тендряков, осуждая пассивность общества в борьбе против рязкиных, в то же время высмеивает и ретивых «борцов», рубящих сплеча (образ секретаря райкома комсомола Нины Глазычевой).

Среди тех, кто занимает общественные должности, имеющие прямое отношение к формированию характеров людей, встречаются и верхоглядья, закрепившие в своей памяти изрядное количество цитат и оперирующие ими при любых обстоятельствах. Такие блюстители высокой нравственности, подобно Нине Глазычевой, не разобравшись в деле, не вникнув в его суть, нередко выносят безапелляционные приговоры, на деле служащие подспорьем тем силам, с которыми они призваны бороться. В борьбе Федора и Стеши Нина Глазычева встала на сторону Стеши. Еще бы! Федор Соловейков уже только за то, что втоптал в грязь любовь, за одно это может считаться преступником перед комсомольской совестью! А он еще бросил жену беременную! Стоило ей вообразить себя на месте Стеши, и она ужаснулась. Поэтому ей нет дела до того, почему Федор порвал со своей женой, кто из них прав, а кто виноват. Да и зачем разбираться в этом, если «вина» Федора и так видна. И она, не подумав о последствиях, обещает растерянной Стеше наказать Федора со всей строгостью комсомольских законов. Нина Глазычева из тех, которые довольствуются решением формальной стороны дела: «Поступила жалоба — меры приняты». Объективна ли

жалоба, эффективны ли меры,— это их не касается. Для них важно уладить, ликвидировать конфликт и поставить галочку. Хорошо еще, что Федор органически не может переваривать духа дома Ряшкиных, хорошо, что он страдает, но не сдается, не ищет компромисса, а ждет, что, может быть, любовь выведет Стешу из омута.

Но ведь Нины порой занимают более важные посты, а их решения нередко имеют силу закона. Да и Федоры могут оказаться людьми менее устойчивыми. Деятельность «поборников» социалистической морали, похожих на Нину Глазычеву, создает условия для появления новых фальшивых людей, которые найдут силы «душу себе покалечить из-за ребенка» и «перевоспитаются».

Стеша по-своему борется за счастье. Она хочет видеть Федора похожим на ее родителей, и вовсе не стремится стать такой, как он. История взаимоотношений Федора и Стеши напоминает один поучительный случай, который довелось мне наблюдать в жизни. Некий молодой коммунист, партийный работник, женился на фанатично-религиозной красавице. Через год у них родился ребенок. Супруги любили друг друга и до его рождения, ребенок еще более скрепил их взаимные чувства. Все было как в других счастливых семьях, если не считать главного. У мужа и жены были разные взгляды на жизнь. Один пропагандировал среди людей идеи марксизма-ленинизма, другая оказалась в плену религиозных предрассудков. Когда от мужа потребовали, чтобы он занялся перевоспитанием жены, тот ответил: «Не поддается»

она моему воспитанию». — «Зачем же ты женился на такой фанатичке?» — спросили его. Он виновато улыбнулся и ответил: «Люблю. Она молода, думал, перевоспитаю». Жена на этот же вопрос ответила: «Я хотела залучить его в стадо христово». Вот как иногда бывает! Стеша, конечно, мало похожа на женщину, о которой я рассказывал, но она так же фанатично уверена в правоте своих действий, с такою же напористостью стремится подчинить своему влиянию восставшего против ее норм поведения мужа.

Тендряков показывает, как жизнь исподволь, незаметно для окружающих да и для самой Стеши убедила ее в правоте Федора, который терпеливо ждет: может, Стеша образумится, может, вернется к нему и станет такой, какой она ему представлялась, — и они будут счастливы.

Стеша восстала против опеки родителей. Чем же вызвано появление трещины, расколовшей ее представление о счастье? Что заставило ее осознать, что не Федор, не Варвара Степановна стоят поперек ее дороги? Желание ли видеть дочь счастливой, эгоистическая ли потребность личного счастья заставили ее переосмыслить свои представления о жизни? Мне думается, что все эти желания, слитые воедино, а главное — жизнь, которая не побрезговала зайти в ряшкинский дом и позвала Стешу на свежий воздух, к людям.

Душевный переворот, вызванный вначале уязвленным самолюбием (муж-то бросил), продолжает сама действительность: «А что теперь понастроили с МТС-то рядом!» — с завистью констатирует она и, вероятно, вспоминает сло-

ва Федора: «Не сразу Москва строилась. Эх, Стешка! Обожди, встанем на ноги. Дочь подрастет, учиться оба начнем. Я ведь тоже, вроде тебя, среднюю школу не кончал. На курсах да на переподготовках доходил». И она почувствовала невыносимую духоту отцовского дома, возмутилась против житейской премудрости, опутавшей грязной паутиной ее душу, и потребовала настоящего, большого счастья. Она найдет его, в этом нет сомнения, но длинен и мучителен ее путь. И попадись на этом пути вместо Федора некто, похожий на Силантия Петровича, осталась бы она Ряшкиной, рожая детей, воспитывала бы их в том же духе, в каком воспитывали ее, и наше общество помаленьку пополнялось бы фальшивенькими людишками, и это было бы плохо, потому что людишки эти не так уж безобидны, какими могут показаться на первый взгляд. Бывший председатель колхоза Наливайко (из очерка Овечкина «О людях без стельки»), шкурник и стяжатель, дождавшись благоприятных условий, превратился в верного слугу фашистских захватчиков. Всякие там бендеровцы, власовцы черпали свои пополнения из стана фальшивых людей. Такие люди не только способны жить за наш счет, не только тормозят наше развитие, но часто ведут активную борьбу против порядков, устанавливаемых нами. И мы не имеем права оставаться равнодушными, не имеем права оставлять их без внимания.